

Бай Ифан, казалось, была склонна к слезам, и все ошибки она брала на себя. Её мягкий характер и внешность, напоминающая добродушных женщин с юга Китая, никак не ассоциировались с образом злой и скандальной мачехи.

Люди всегда склонны сочувствовать слабым. Хотя Лу Юаньчжи был болен, Бай Ифан, маленькая и плаксивая, с её униженным поведением мачехи, пытающейся угодить пасынку, выглядела настолько жалко, что легко вызывала сочувствие.

Однако после того как Ши Вэй обнародовал «плачевное положение» Лу Юаньчжи, это сочувствие мгновенно исчезло.

Бай Ифан, которой было за сорок, хотя и не носила много золота и серебра, выглядела ярко и свежо, совсем не как женщина её возраста. Если бы не её зрелая аура, можно было бы подумать, что ей всего двадцать с небольшим. Особенно выделялись её руки — белые и нежные, как у знатной барышни, совершенно не похожие на руки человека, который когда-либо занимался тяжёлой работой.

Мачеха жила в роскоши и красоте, а пасынок страдал в нищете, хотя его отец был ещё жив! В доме, безусловно, были деньги, но куда же они делись?

Взгляды, обращённые на Бай Ифан, мгновенно изменились. Она понимала это, но, несмотря на ясность в душе, продолжала изображать обиду и раскаяние. Между ней и Лу Юаньчжи кто-то должен был стать объектом осуждения, и она ни за что не хотела, чтобы это была она. Значит, Лу Юаньчжи должен был пожертвовать собой!

Бай Ифан держалась скромно, но в своих словах всё же перекладывала вину на Лу Юаньчжи, хотя делала это тонко и изящно, так что на первый взгляд казалось, будто она сама себя обвиняет.

Ши Вэй в прошлой жизни мало общался с Бай Ифан, но расследовал её деятельность целых пять лет. Даже не зная её лично, он понимал, какова её истинная натура.

Его взгляд был холоден, но актёрское мастерство позволило ему скрыть эту холодность под маской ложной робости. Выслушав Бай Ифан, он сделал вид, что облегчённо вздохнул:

— Тётя, я рад, что вы можете поговорить с Лу Юаньчжи. Он хороший человек, справедливый и добрый. Даже когда у него самого не было одежды, он жертвовал её нуждающимся семьям. А в прошлый раз, когда я с мамой и младшей сестрой приехал в Яньцзин на лечение, если бы не Лу Юаньчжи, который отогнал грабителей, мы бы не только не смогли лечиться, но и, возможно, остались бы без еды.

Взгляды окружающих на Лу Юаньчжи стали ещё более одобрительными. Такой добрый, справедливый и образованный молодой человек — настоящая редкость!

Бай Ифан внутренне кипела от злости, желая обнародовать ещё больше недостатков Лу Юаньчжи, но её мягкий голос был заглушён советами окружающих.

— Брат, ваш сын — хороший парень. Сейчас студенты — это редкость, и ваш мальчик явно добьётся успеха!

— Между отцом и сыном не бывает вечной вражды. Вернитесь домой и поговорите с ним. Дети иногда не понимают, и недоразумения с взрослыми случаются, но всё можно решить!

— Сестра, не вините себя. Быть матерью непросто, и детям тоже нелегко. Давайте все будем понимать друг друга!

Зрители, насладившись зрелищем, начали уговаривать стороны: то хвалили Лу Чжэньнина, то успокаивали Бай Ифан. Таким образом конфликт был сглажен.

Лу Чжэньнин, человек с крайне вспыльчивым характером, но легко поддающийся влиянию, успокоился под напором уговоров. Именно из-за этой слабости Бай Ифан смогла управлять им столько лет.

Лу Чжэньнин помог оформить выписку Лу Юаньчжи из больницы, и вчетвером молча вышли из здания. Дойдя до узкого переуллка, где почти не было людей, Лу Чжэньнин, шедший впереди, остановился.

Он был высоким и крепким, а переулок узким, так что его остановка заставила остальных тоже замереть.

— Кхм! — Лу Чжэньнин выглядел слегка смущённым, доставая из сумки пачку денег. Купюры, которые он вытаскивал, рассыпались вокруг.

Дед Лу Юаньчжи был военным первого поколения и имел значительное влияние в Яньцзине. Лу Чжэньнин тоже служил в армии, но из-за неподходящего происхождения его жены — их семья была помещиками, капиталистами, интеллигентами и чиновниками — в течение десяти лет они ничего не делали. Благодаря защите деда они избежали полного краха, хотя и жили в опасности. После изменения политики Лу Чжэньнин отправился на юг и начал заниматься бизнесом.

Несмотря на скверный характер, у Лу Чжэньнина были способности, и благодаря связям деда он преуспел в делах.

Сегодня он вернулся из поездки, привезя с собой полную сумку денег, которые щедро раздавал.

Не считая, сколько он даёт, он протянул каждому по две пачки.

Бай Ифан с трудом сохраняла на лице мягкую улыбку с оттенком вины, сжимая пальцы до белизны.

— Не экономь на себе. У отца есть деньги, позаботься о себе. — Лу Чжэньнин мало общался с сыном. Они больше походили на врагов, чем на отца и сына. Они дрались и ссорились.

Когда Лу Юаньчжи было восемь лет, он уже бросал еду в лицо отцу. Разозлившись, Лу Чжэньнин чуть не сломал ему руку, но затем его самого отец избил до перелома, и ему пришлось носить гипс несколько месяцев.

Лу Юаньчжи никогда не разговаривал с отцом нормально, и Лу Чжэньнин тоже не проявлял к нему доброты. Но, несмотря на вражду, Лу Юаньчжи оставался его сыном. До изменения политики Лу Чжэньнин не считал себя богачом, но сейчас он щедро раздавал деньги.

— Хах! — Лу Юаньчжи усмехнулся и швырнул деньги обратно в лицо отцу.

Бумажные купюры лёгкие, и они не могли причинить физического вреда, но такой поступок был оскорбительным.

— Или не давай, или давай больше. Ты что, подаёшь нищим?

Лицо Лу Чжэньнина стало багровым, словно раскалённый металл.

Но Лу Юаньчжи не обращал на это внимания, презрительно улыбнувшись и бросив на них взгляд, прежде чем развернуться и уйти.

Ши Вэй нуждался в деньгах, но не настолько, чтобы унижаться, принимая их от Лу Чжэньнина.

— Дядя, лучше сохраните свои деньги. Купите что-нибудь сладкое для вашего сына.

Лицо Лу Чжэньнина стало ещё мрачнее, но, видя добрые намерения Ши Вэя, он не мог ни ударить, ни обругать его.

— Почему ты не взял деньги? — спросил Лу Юаньчжи, когда они немного отошли.

Лу Юаньчжи действительно не нуждался в деньгах. Его дед не был богачом, но занимал высокий пост, и его пенсия составляла несколько сотен юаней в месяц. Все эти деньги он отдавал внуку.

Дедушка Лу Юаньчжи по материнской линии был сложной фигурой. В своё время он был передовиком и пожертвовал государству множество заводов. Через десять лет его дело было пересмотрено, и государство вернуло ему часть имущества, а также выплатило значительную компенсацию. К тому же у дедушки за границей были крупные сбережения. Благодаря связям деда Лу Юаньчжи смог съездить за границу и привезти оттуда немало ценностей, включая большое количество иностранной валюты, что вызывало зависть у многих.

И даже сейчас, бросив деньги отца, он знал, что, вернувшись домой, Лу Чжэньнин всё равно отдаст их ему.

Дед Лу был суровым человеком, верившим, что только строгость воспитывает послушных детей. Лу Чжэньнин и так был негодяем, и дед боялся, что деньги сделают его ещё хуже, поэтому всегда забирал у него всё, что мог.

А куда же девались деньги, отобранные у Лу Чжэньнина? Конечно, они полностью переходили к Лу Юаньчжи.

Ши Вэй ничего не сказал, лишь покачал головой:

— Просто не хочу. Зачем искать причины?

Лу Юаньчжи промолчал, но, порывшись в карманах, достал три крупные купюры и сунул их в руку Ши Вэя:

— Не отказывайся. Это возмездие за лечение. И ещё... я не бедный. У меня есть деньги. — Возможно, Лу Юаньчжи воспринял слова Ши Вэя в больнице слишком серьёзно, решив, что тот считает его жалким.

Лу Юаньчжи не считал себя жалким, поэтому не хотел пользоваться добротой Ши Вэя.

— Я знаю. — Ши Вэй, глядя на серьёзное лицо Лу Юаньчжи, не стал отказываться от явно излишней суммы, сказав:

— Давно хотел пригласить тебя поесть. Сегодня не откажешь?

Лихорадка Лу Юаньчжи прошла быстро. В больнице Ши Вэй солгал — врач не говорил, что у Лу Юаньчжи несколько дней была высокая температура. Это была выдумка Ши Вэя.

[нет авторских примечаний]

<http://bllate.org/book/16388/1484016>